Кострюк (9)

В годы-ти были прежние, В времена-ти были досельние. При нашом при свети цари при Иване Васильевици. Да он здумал жонитисе Во земли во неверное На Марьи Темрюковны. У ей было много провожатых-то: Дваста татаровей, Полтораста улановей, Полтретьяста церквасыновей. Они все сидят у царя на пиру; Они сидя[т], пиво-то с мёдом пьют, Хлеб с солью едят, Таки ясвы кушают, Лиха не думают На нашого света царя На Ивана Васильевиця. Один больший шурин царев Кострюк-Темрюк Темрюкович Он пива-та с мёдом не пьёт, Хлеба-та с солью не ест, Зелена вина в рот не берёт, Таки ясвы не кушаёт, — Да не лихо ле думаёт На нашого света царя На Ивана Васильевиця?.. Увидал его стольник царев Микита Романовиць. Он скоро допрашивал большого шурина Кострюка-Темрюка Темрюковиця: «Уш ты ой еси, большой шурин царев Кострюк-Темрюк Темрюковиц! Уш ты што же пива с мёдом не пьёш, Хлеба-та с солью не еш,

Зелена вина в рот не берёш, Таки ясвы не кушаёш? Да не лихо ле думаёш На нашого света царя На Ивана Васильевиця?..» Спроговорит большой шурин царев Кострюк-Темрюк Темрюковиць: «Хош я пива-та с мёдом не пью, хлеба-та с солью не ем, Зелена вина в рот не беру, Таки ясвы не кушаю, — Да я лиха не думаю Да на вашего света царя На Ивана Васильевиця! Ище столько я думаю: Я тритьцеть городов перешол, Я тритьцеть борцей поборол, не мог силки отведати. Ес[ть] ли у вас в каменной Москвы Таковы борьци — С Кострюком поборотисе, с Темрюком поотведати Да и силки отведати?1» В та́ пора стольник царев Да Микита Романовиць Выходил он на те сени новые, на те сени царьские, На те государевые, На то крыльцё красноё, на то государевоё. Скрыцял как он во всю буйну голову — Щобы цють по всей каменной Москвы. Из нижьнёго коньця, из крайнёго дворьця Щобы было два борьця, были дети Ондреевые Да Ондрея-та Павженина: Васька-то Маленькой да Потанька Хроменькой

О костыль потпираитьсе,

ко двору подвигаитьсе.

В та пора стольник царев

Да Микита Романовиц

Наливает он чашу зелена вина

(Не велика, не мала чаша, — полтора ведра),

Подавает-то Васьки Маленькому

да Потаньки Хроминькому.

Принимается Васютка единой рукой,

выпиваёт Васютка за единой мах:

«Ну дайте же мне ныньце борьця на руку!»

В та пора стольник царев

Да Микита Романович

Да он скоро докладывал

Да большому шурину

Кострюку-Темрюку Темрюковицю:

«Уш ты ой еси, больший шурин царев

Кострюк-Темрюк Темрюкович!

У нас у царя хлеб на столи / и борьци на двори!»

Он как стал да скоцил церез золот стол,

Церез ясвы сахарные,

Церез скамейку дубовую;

Задел ногой правою, —

Дваста тотар подломил,

Полтораста улановей,

Полтретьяста церква сыновей.

Они все как посыпались,

Да все повалилисе,

Все пошли борбы смотреть,

Все пошли молодецькое.

Они дол[г]о сходилисе

Да и плотно сымалисе.

Васька-то Маленькой

Да Потанька Хроменькой

На ношку справилса,

За рубашку зграбилса, —

Был Кострюк на ногах,

Да поставили на голову!

Его стыд-от взял:

Он стыд-от в горсть захватил, А в дыру-ту перстом ткнул; Под новые сени побежал, Под те сени новые И под те сени царские И под те государевые — Под то кр[ыл]ьцё красноё, Под то крыльцё царскоё, Под то государевоё. Спроговорит Марья Темрюковна: «Уш ты ой еси, царь-государь, царь Иван Васильевиц! Нашто было рубашка здеть; Да нашто было нага спустить; Да и нашто было безчестити; Да под новые сени бежать, Под те сени царские, Под те государевые — Под то крыльцё красное, Под то государевоё?..» Спроговорит царь-государь, Царь Иван Васильевиць: «Уш ты ой еси, Марья Темрюковна! В Москвы так и водитьсе, Кто с кем боритьсе: Рубашка здеть да нага спустить Да под новые сени бежать, Да под те сени новые, Под те сени царские, Под те государевые — Под то крыльцё красное, Под то государевоё!..»

(Записана А. Д. Григорьевым от крест. И. М. Ломтева в д. Карпова гора в Пинежском крае. См. «Арх. был. и истор. песни», т. I, № 156, стр. 474-478)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.

1 Этот стих почти сказан, а не пропет (Григ.)